

ТАТЬЯНА ВОЛОКИТИНА

Ход часов небесных

Сборник стихотворений

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО

ФОНДА
РОССИИ

РОСТОВ-НА-ДОНУ

2016 г

ББК 96(2Рос-Рус)62

В-184

Волокитина Т.Л. — **Ход часов небесных**
— Сборник стихотворений — Приложение
к журналу «ДОН_новый» — Издательство
«Донской писатель»: Ростов/Д, 2016 г. — 64 с.

ISBN 978-5-87612-075-8

Мотивы книги стихов Татьяны Волокитиной «Ход часов небесных» лиричны и наполнены радостно-трепетным преклонением перед всем сущим. В них есть тончайшее движение души женщины и поэта, глубокие личные переживания, поиски Вечной Истины и философское осмысление реальности. Но главное – этот автономный поэтический мир дышит искренностью.

© Волокитина Т.Л.. 2016 г.

© ООО «Издательство «Донской писатель» 2016 г.

Истосковалась по деревне,
Где васильками пахнет зной,
Где мой инстинкт,
 пусть дикий, древний,
Но из мужицких, свой, родной.
Господь управил и: «Осанна!» –
Вновь копошусь полдня в земле,
Надев платочек старый, мамин,
Как будто век он был на мне.
Наседку балую, что водит
Когорту солнечных цыплят,
Мальцов катаю на подводе,
Вдыхая сена аромат.
А есть ли что милей, чем утром
Тропинкой детства в мир шагнуть
И, отряхнув крыло от смуты,
В лесок к ромашкам заглянуть.
И там лежать – твореньем Божьим,
С великой жаждою жуя
Ломоть ржаной, до самой дрожи
Вдыхая радость бытия.

Отрезилось. Дни золотые
Опали, как клёны вчера.
Но звёзды, уже молодые,
Омыли дождём вечера.
И мир, как и прежде, прекрасен!
Его удалось мне сберечь
В рассветах, где розовый яшень
Светился от радости встреч,
В малиновом пенье пасхальном,
Что вызрело в сердце, как плод,
В стоянии исповедальном
Под сводами вышних забот
И в слове, волшебном, желанном,
Что в юной душе я таю,
И каждое утро нежданно
Тебе я его говорю.

Светилось утро в окнах голубых.

Проснулась – и не верилось –

счаст-ли-вой!

Наш клён глядел сквозь стёкла в глубь избы

На твой картуз, как на какое диво.

Свершив свой круг, ушла гадалка-ночь,

Что нам любви на век наворожила,

И по её молитве всё точь-в-точь

Несбыточно-заветное свершилось.

Вновь бабье лето разожгло костры...

Твой мягкий шёпот волос мой тревожит,

Захвачено накалом той игры,

Сверкает солнце юным светом тоже.

И всё знакомо. Но впервые! Вновь! –

Хоть наизусть тепло ладоней знаю.

Легко-легко забытую любовь

Я пью и пью –

и с нею воскрешаюсь.

Сиреневый рассвет

Оставлю свои следы
На мартовском бездорожье,
Где снег зачерпнул воды
В атлас сиреневой кожи.
Где цветик с земли глядит
Сиреневым ясным взглядом,
И дух от венца раки
Такой, что молиться надо.
Где тайный мотив воскрес
Под сердцем, наивно-светел...
Вхожу в сиреневый лес
На праздник весенних ветел.

На теле века – болотный зуд
И лжи окалина.
Мой город хоть и наг и разут,
Лицо – в проталинах.
Глядится в блюда дворовых луж,
Цветёт зарницами,
И винный запах апрельских стуж
Над морем – птицами.
Своим сомненьям, его холсту
Ищу название,
Средь улиц милых в рассвет врасу
Стеной молчания.
Пробьётся строчка из хрипа лет,
Как благозвучие,
Душою ясной найду ответ
На то, что мучило.

Камыш, речные голоса...
С утра, умаявшись от быта,
Пришла под старую ракиту,
Где шмель гудит, звенит оса.

Полощут крылья облака,
Нырнуло в глубь речную солнце,
И где-то там, на самом донце,
Совпали небо и река.

А тишь, замешкавшись чуть-чуть,
Спустилась с круга неземного,
И под её незримым кровом
Легко принять земную суть.

Берёзовый свет

настоялся в ложбине

И выплыл на берег песчаный,

к воде,

Где ветер, запутавши

плащ в паутине,

Прилёт, словно путник,

на небо глядеть.

С ним тоже гляжу на небесные блики.

А в сердце, как в кубок, цежу

на глазок

Шептанье берёз, говорки журавлихи

И речки порожистой сочный басок.

В июльскую жатву

В июльскую жатву средь поля,
Облитого солнцем крутым,
Господь мне родиться позволил
В копне, под снопом золотым.
Как рожь ликовала! Наивно
В ней ветер очерчивал круг,
Где резали мне пуповину
Серпом под сказанья пичуг.
И бабка потом говорила:
«Малютка была хоть куда! –
Не плакала вовсе, гуллила,
Понятье имела – страда!»
А мать пропотевшей сорочкой
Укрыла меня под ставком...
По счёту – шестым ангелочком
Вошла я в родительский дом.
А жизнь и мела, и кружила...
Но пела звончей соловком,
Тот сноп напоил меня силой,
Как мама грудным молоком.

Верба простёрла к небу
Мокрую кипу веток,
В синем безлюдье ищет
Солнечные лучи.
Пьёт молоко парное
Вербного воскресенья,
Смешивая с небесным
Пульс и душой роднясь
С жизненной силой токов,
Что из глубин Вселенной
Для продолженья рода
Нам отпускает Бог.
И средь весенних всплесков,
Вымолив благодати,
Радостно и по-детски
Держит лучи в листве.

Дыханье дороги

Дыханье дороги – у сердца,
Рюкзак и душа – у дверей,
Скорей бы в купе, чтоб согреться
Беседой и светом друзей.
А выйдем – пещеры-ангары
Заманят. И вспыхнет костёр.
Закружится дружеский спор,
Заграет, заплачет гитара.
И песни протяжное эхо
Опустится в розовый снег,
Где грозных вершин барельефы
И речки серебряный смех.

Пахнет мёдом и морошкой,
Что ни шаг – то чудеса,
На красу репейной брошки
Загляделись небеса.

А рассветный дым сквозь ветви
Освещает край мостка,
Где качает в травах ветер
Свет лесного ручейка.

В эти чудные мгновенья
От Всевидящей руки
И душа полна свеченья,
И шаги в росе легки.

Бездомные

Два человека, две души,
В отрыве от большого света,
Спят под забором, здесь обжив
Кусок земли и угол лета.
И словно день благословен
И выше смуты всей вселенской,
И словно жизни страшный плен
Их не затронул горьким всплеском.
Средь бед придумав «свой Париж»,
Она и он на грани муки,
В густой траве, вдали от крыш,
Целуют друг у друга руки.

Жизнь и пела, и искрилась,
Свет дарила неземной.
Вёсен тех и цвет, и силу
Лист уносит золотой.
И теперь всё чаще с Богом
Говорю до петухов,
Только всё трудней дорога
От разбуженных грехов.
Только всё глубинней выси
И нужнее тишина,
Чтоб услышать, как раскрылась
Сентябринка у окна.

На хуторе

Здесь в светлицах –
на полу холстины.
Бытие, одетое в кожух,
Сторожит надёжно и былинно
Дух исконный – православный дух.
Гул машинный здесь
«не хулиганит»,
Колосятся в травах песни птиц,
Расхрабрившись, ветер
хлопнет ставнем
И падёт опять под солнцем ниц.
Хаты здесь уютятся без надзора,
Лопухам – роднёю – ветхий тын,
Старый дед на лавке у забора
В этом мире светлом – властелин.
Все слова его непогрешимы,
Как и роль седого мудреца.
Здесь под каждой крышей –
херувимы –
И в сиянье каждого лица.

То с усердьем, то шутя,
Жизнь по капельке свершалась,
И душа в ней, как дитя,
Первой боли обучалась.

Отхлебнув добра и зла
Из лагун земных скитаний,
Всё ещё любви полна,
Всё ещё полна желаний.

Видно, к жизни этой страсть
Я в наследство получила.
Лишь любви святая сила
Надо мной имеет власть.

Предрассветность раздвинулась,
Дождь затих в ручейке,
Чувств лавина отхлынула,
Лишь песчинка в руке,
Лишь подобие влажности...
День на старте завис
Ощущением важности
В Божьем выдохе «жизнь».
Этой искрой пронизаны
Перепевы ручья,
Синь над сонными избами
И сосуд бытия.
И твоё, измождённое
Ожиданьем, лицо,
И моё исцелённое
Сердце с красным рубцом.

Весенний дождь

Солнце прикрыв застенчиво,
Туча рождала кротко
Дождик, как сына женщина,
Над городской высоткой.
Дождь зародился радостным,
Рухнул стеною свыше,
Ритмом шальным и яростным
Дробь выбивал по крыше.
Нёсся проспектом, брызгами
Травы крестя, деревья.
Дети встречали визгами
Пик его апогея.
Он и нас в кущи райские,
Властвуя и ревнуя,
Запер, под гимны майские
Удаль свою смакуя.
Стал между нами стражником,
Но от его затеи
Стали объятья сладостней,
Ливень любви сильнее.

Колокольчик – полю, липы – роще,
Ну, а я кому в ночном бреду
Стих рождаю в муках?

Мир полощет

Отраженье звёздное в пруду.
До меня ли миру? Темень ночи,
Повитухой странною склонясь
Над моим ребёнком,

в святцы отчеств

Силится внести сомненья вязь.
Но уже из-под вселенской крыши –
Ночь, меня не тронь, не тормози –
Ноты той небесной песни слышу,
Ночь, и ты послушай, не спеши.
Вот она идёт волною света,
Тишиной бездонной в плен взята,
И душа, как чаша, щедро этим
Радужным свеченьем налита.

Осколок мечты

Сверкало солнце над землёю —
Магически-хрустальный шар.
А ты на цыпочки привстал,
К нему притронулся рукою.
И, отломив осколок света,
Вложил мне в тёплую ладонь.
О, как горел в кристалле этом
Души твоей шальной огонь!
А день слетел листком рябины,
Уйдя в крутые виражи,
И смысла ночь прозрачным ливнем
Твой шёпот, смех моей души.
Но я храню, как дар наследства,
Осколок солнечной мечты,
Где свет любви,
 той первой, детской,
Так юн, так полон красоты.

Сердце плачет. Сердце, сердце...
Оглянуться, оглядеться
Недосуг. А жёлтый ясень
Под дождями так прекрасен!
Люди ходят. Люди, люди...
Память их моя забудет.
Исключением из правил
Образ Ваш в себе оставлю.
В Вашей памяти, быть может,
Чуть пожив, умру я тоже.
Ну, а может быть, останусь
И, смеясь, прольюсь в нежданность
Ваших рук, и глаз, и сердца
Нежно-трогательным скерцо.

На стыке

И себе-то кажусь незнакомой
Под небесным зонтом золотым.
Прошлый век на безмолвном изломе
Зацепился за звёзды, как дым.

И висит этот век, и тревожит,
Обжигая сознание до ран...
Что-то новое тихо сквозь кожу
Прорастает крылом, смыв туман.

И несёт все хоругви, знамёна.
Но куда Крестный ход-то идёт?..
В широте колокольного звона
Русь с колен покаянно встаёт.

Родился Младенец Небесный

Берёзок рождественских
светлые тени.
Земля в тишине
под снегами молчит.
Родился Младенец Небесный
под сенью
Олив палестинских
в морозной ночи.
Когда-то... А кажется,
будто сегодня.
Так греет тот ангельский свет
нам сердца,
Над всей суетой
человечьей приподнят
Великой и чистой любовью Творца.

Под осенней тишиной

Я люблю привычку осени
Золотить венцы берёз
И ласкать росточки озими
В серебристых бусах рос.
Неземные краски радостно
На своей ладони греть,
Вдоль тропы
 с блаженной сладостью
В диких ягодах гореть.
Мне б её заботу сущую
Уловить, облечь в слова...
Под берёзовыми кущами
Свет стоит, цикад молва.

Не все на земном языке
Я жизни уроки отвечу,
Но вдруг в придорожном леске
Пошлёт откровение вечер.

Запросится петь лебеда
И куст можжевеловый даже,
Всплеснётся напевом вода,
И небо мотивы подскажет.

Прольются в стихи облака,
И таинство станет вершиться,
И я захмелею слегка
От света небесного ситца.

И будет на всех языках,
И даже чуть-чуть на небесном,
Звучать и кружится, как птах,
Из сердца рождённая песня.

Притяженье

Уйду к ромашкам в поле
От всех земных сует
Вкусить весны раздолье,
Принять небесный свет.

И, впад в сентиментальность
И с ветром став на «ты»,
Отпраздную случайность,
Упад лицом в цветы.

Отпив денька, откушав
Божественный покой,
Всем детским простодушьем
Соединюсь с землёй.

И сердцу, и рассудку
Откроется не зря,
Что в каждой незабудке
Живёт Господь и я.

В Михайловском

Русью пахнет! Но изгнанница –
Муза бедная моя.
Русский дух скорбит и мается –
Эмигрант в родных краях.
Супермаркет демократии –
Всё в нём есть от «А» до «Я»,
Но не в русской светлой мантии,
А в чужом плаще, друзья.
Далеко зашли в беспечности
И пора, пора прозреть.
Тройка-Русь несётся к вечности,
Да в карманах только медь.
Где же золото? Традиция? –
Только памяти озноб...
Просветлимся снова лицами,
Опустив персты на лоб.
Нам бы веры малу плошечку,
Православный дух храня...
Пушкин бронзовый в ладошечку
Взял подснежник у меня.

Отцу моему девяносто лет.
Изношено тело до дыр,
Истрачен на нас отцовский свет,
Ведь им пятерых вспоил.
Не видит уже вокруг никого,
Но знает, что я пришла,
Особые есть глаза у него
Там, где живёт душа.
Он жалость к себе не копит совсем,
Храбрится и любит петь,
И песни его среди сует, проблем,
Как яблонь весенних цветъ.
И плещут, и плещут теплом своим
Над нашим житьём-бытьём,
Как-будто и нет суматохи зим,
Как-будто в раю наш дом.

Средь мартовских чудес

Затишье. Белый снег умыт
Прозрачной солнечностью марта,
На островках графитных плит
Ему лежать сегодня жарко.
В коляске дочка сладко спит.
А ей вполсилы с ветки вишни
Синичка песней говорит
О чём-то вечном в этой жизни.

Утро

В нём происходит и вершится
Всё действие только для тебя,
Поёт заутреннюю птица,
И свет струится из дождя.
И радуга, смеясь, роняет
Тебе в ладони все цвета.
И сердце нежность обретает,
И Бога кажется высота.
И облачко вверху надуто,
Как шар, средь зелени ветвей...
Всё для тебя! О, это утро! –
Оно – волшебник, чародей!

В ночном

Я кормлю молоком ежат.
У костра – на часах – бессонница.
Звучно ветки в огне трещат.
Жеребёнок смакует вольницу.
Тянет мордочку к нам и ждёт,
Набивая себе оскомину,
Ну, авось, авось повезёт
Хлебной корочкой полакомиться.
Несказанно гостинцу рад!
И под тихое ржанье матери
Он бежит сосать аромат,
Что струится с трав притягательно.

У моря

Сидим и слушаем,
Как полон вечер
Волной ракушечной,
Сверчковой речью,
И одиночеством,
Моим и Вашим,
И звёзд пророчеством
Из млечной чаши.
И чьей-то песнею
Под звездопадом,
И легковесностью
Взаимных взглядов.
Ещё – случайною
Слезой хмельною,
И нашей тайною,
И тишиною.

И это вовсе не абсурд:
Под синим капюшоном утра
Душе устрою строгий суд
Глубокомысленно и мудро.

И, каясь, смою грешный грим,
Рассветных замков не порушив,
Откуда Божий херувим
Узреет плачущую душу.

Прощённой вновь, не помня бурь,
Вдохнув апрельский дух ракиты,
Шагну по грани дня в лазурь
Из пены вставшей Афродитой.

Осенних дней колокола
Вызванивают бабье лето,
Утерянных надежд зола
Не жарким солнцем разогрета.
А чуткая к теплу душа
На циферблате дня летает,
Движеньем лёгким, не спеша,
В былое время возвращает.
И удаётся мне забыть,
Что много лет и старость в сенцах.
И снова хочется любить
Кого-то юным, жарким сердцем.

В больничном дворе

Я и утро чуть-чуть в разладе,
Загрустилось душе до слёз,
И не рада морской прохладе,
И напрасен «наркоз» берёз.
Настроенье – на «три» с натяжкой,
В голове – несусветный вздор...
Вдруг запела с берёзы пташка,
Оглашая больничный двор.
Милый лекарь, за всё спасибо!
Видишь, я уже не ворчу.
Как же песня твоя красива:
«Ж-жить хоч-чу, ж-жить хоч-чу,
ж-жить хоч-чу!»

А был ли праздник жизни?

А был ли праздник жизни? Был!
Звенел, мальчишничал, смеялся,
И за нос, словно шут, водил,
И в нежность вёсен облачался.
Без южной наглости средь трав
Ласкал рассветною порою,
И, простодушно всё отдав,
Отцом был, матерью со мною.
А мужество приобретаю,
Он тратился на битву светом,
И жизни смысл дарил шутя,
Когда бывал подчас поэтом.
Сидел ребёночком в цветах
И, бабочку на грудь примерив,
Вдруг возносился, будто птах,
Во что-то большее поверив.
И наполнял мою печаль
Теплом от Вышнего Начала,
И о любви он не кричал,
А пел у моего причала.

Звёзды, звёзды, звёзды, звёзды
У меня над головой,
Будто синий рай живой,
Будто ангельские гнёзда.

Из космической Божницы
Эти вестники планет
Льют свой вещей, чистый свет
В окна, в рощи, в судьбы, в лица.

И гляжу – не наглядеться, –
Сняв с души тоску и стресс,
В чудо чудное небес
Оком радостного сердца.

Не развеять бы, как дым,
Эту трепетность свиданья,
Это утро-прикасанье
К Вышним далям золотым.

Пятое время года

А голубь хлеб из рук берёт
И чуть поваркивает.
Той жизни прежней тяжкий гнёт
Душа отхаркивает.
Ах, вот бы в небо взмыть и вглубь
Уйти спиралями,
Как этот белый голубь с рук,
В ту синь, в проталины.
И петь молитву весь полёт,
Хоть плоть распятая.
А время года вскроет лёд –
Иное. Пятое.

Букет

Маковка июля. На пленере
Наблюдаю, сев перед холстом,
Как из мглы елового тоннеля
Лучик выплыл в нимбе золотом.
И бежит за кистью паутинкой,
Обрамляя ели, небо, луг,
Оживляя каждую травинку.
Но чего-то жду ещё. А вдруг...
И случилось: из ночной купели
Семь ромашек в сполохах зари
Кисть в букет собрала возле ели
На клочке обласканной земли.

Сумерки спят у порога
В душном осеннем плену.
Звёзды летят на дорогу,
Вот и моя на кону.
Господи, что мне осталось?
Так же звездой упаду.
Дай вот ещё только малость –
Солнца напитаться в саду,
Вымолить ночью прощенье
Всепокаянной слезой,
Дай в лепестковом круженье
Вешней пройти бороздой.
И от родимой землицы,
В преблагодарной мольбе,
Господи, дай, словно птице,
Крылья – подняться к Тебе.

Смешай в бокалах боль и смех
И не глядись в мои седины.
Всё позади: любовь, успех...
Души – и той лишь половина.
Где ни шагну – повсюду край,
И льды в крови стоят всё чаще,
И дни ночей никак не слаще...
Смешай в бокалах ад и рай.
Отпив, вдруг тронем ту струну,
Что снег с седин сметёт протестом
И напоёт, собрав оркестрик,
Душе ещё одну весну.

Всё в миг один вошло, вместилось,
Сверкая, жалуя, творя:
Лазурных трав необозримость,
И говор чистых струй ручья,
Всецарственность черёмух белых,
И птиц предутренняя трель,
И млечность рос, и в маках берег,
И ты – в разливе их огней.
А я с открытостью щемящей
Души, уставшей на бегу,
Остановилась в белой чаще
И выдох сделать не могу.

На даче

Был пик июльского блистанья.
И вдоль ограды сливы зрели.
Был звон. Был зов.
 Был вздох признанья.
Был свет! —
 Глаза в глаза смотрели.
О! Этот свет запомнит сердце
И тайный, жаркий голос страсти,
И знойность рук,
 и радость власти,
И дождь, весёлый, словно в детстве.
О, счастье нежное, без пауз,
Ты длилось миг! А сколь заботы.
Как приговор — на сердце хаос
И грешно-сладостное что-то.

Снег

Предтеча-снег. И светлый

отзвук вальса.

Кружат снежинки, словно пух, легки.

А я иду и сохраняю в пальцах

Бесценный дар – тепло твоей руки.

Как этот вечер властен надо мною!

Какой уют в его зазывной мгле!

Он всей своей предзимней тишиною

Таким навек останется во мне,

Как и снежинка с крыльев звездопада...

Ведь для чего-то ей явиться в мир

В вечернем блеске этом было надо,

И сесть в ладонь, и вспыхнуть,

как сапфир.

Потом в другом,

воскресшем, состоянье,

Сияя спектром капельки воды,

Туманить радостью моё сознание,

Набравшись силы от ночной звезды.

И мне, как ей, ведь для чего-то надо

Не отпустить тепло твоей руки.

Оно – и свет, и тихая отрада...

Снежинки... Вальс... И мысли все легки.

Осенняя звонница

Повяжу на косу
Ленту алую
И к осинкам в лесу
Я пожалую.
Столько золота с них,
Столько трепета
Облетело в мой стих
Тихим лепетом.
Заблужусь до зари
В этой данности,
В безмятежной любви,
В первозданности.
В подолах у осин –
Ветра вольница.
В небе – ясность и синь,
Птичья звонница.

Край ограды
с кружевным ажуром
Паутинкой лёгкой перевит.
На ступенях каменных разулась,
Босиком вошла под сень раки.

Пахнет море. Здесь дыханье ветра,
Как напиток. Выпью и вдохну...
Серебром на холст стального цвета
Пали сумерки, к волне прильнув.

Что тревожило – ушло, уплыло,
Смыт с души неясный гул тревог.
Мир бездонен. Надо мною ива
Продевает ветви в лунный рог.

Звёздочка пробилась и зависла,
Словно чья-то светлая душа.
Тёплый смех. И плещут вёсла жизни
По вселенским водам не спеша.

Таганрог летний

Ах, скука смертная души! –
Не в радость даже крики чаек.
Повисли зноя миражи,
Наркотик лени разливая.
Но взгляд мужчины, запах дынь,
Чудной напев «Бесаме мучо»
Над скукой высветлили синь,
Давая сердцу верный случай
Под парусом прибрежной дымки
И под смычок азовских волн
Узнать, что день стихами полн
И счастьем в розовых картинках.

Мне б на эту жизнь обидеться,
Оскудела без халвы,
От безденежья, от кризиса,
Перейдя со мной на «вы».
Но люблю её, безбрежную,
Морозящую дождём,
Неподдельной терпкой нежностью
Сердца. В строчках соловьём
Прославляю дни весенние,
Где проснулся первоцвет,
Где любви стоят мгновения,
Как пасхальный тихий свет.

Детство

Мама, родных просветлённые лица,
Нежный берёзовый свет среди двора...
Жаль, не вернётся и не повторится
Милого детства святая пора.
Где-то осталась в сиреневых кущах,
В радостном плеске серебряной ржи...
Сумерки жизни всё гуще и гуще,
Детское счастье, ау! Покажись!
Синь васильков лишь в ответ мне смеётся,
Соком прозрачным берёза поит...
А из поры той, как Ангел с оконца,
Мама моя незабвенно глядит.

Вольна ли я? Судьба вторгается
Без разрешенья в серость будней.
А сердцу осень эта нравится
Последней страстью безрассудной.
Живу – судьбу я не обманываю.
Но с каждым шагом вправо, влево
Я что-то от души отламываю.
От сердца тоже – дань напеву.
А в лужах листья,
 став корабликами,
Плывут к последнему причалу.
Одаривает осень яблоками,
К концу приблизив...
 Иль к началу?..
Дождинки влагой
 пыль притрусывают
И сводят жизнь к простой затее:
Я с хрустом яблоко надкусываю,
Чтоб стало жить чуть-чуть вкуснее!

Содержание

«Истосковалась по деревне...»	3
Городок мой	4
«Отгрезилось...»	5
«Светилось утро...»	6
Сиреневый рассвет	7
Первооснова	8
«Догадываюсь...»	9
И свет, и звук, и звон ладов	10
«На теле века...»	11
«Камыш, речные голоса...»	12
«Берёзовый свет...»	13
В июльскую жатву	14
«Верба простёрла к небу...»	15
Дыханье дороги	16
«Пахнет мёдом и морошкой...»	17
Бездомные	18
«Жизнь и пела, и искрилась...»	19
На хуторе	20
«То с усердьем, то шутя...»	21
«Предрассветность раздвинулась...»	22
Весенний дождь	23

«Колокольчик – полю...»	24
«Два душных дня...»	25
Осколок мечты	26
«Сердце плачет...»	27
На стыке	28
Фрески детства	29
Родился Младенец Небесный	30
Под осенней тишиной	31
«Не все на земном языке...»	32
Мой город	33
Притяженье	34
В Михайловском	35
«Отцу моему девяносто лет...»	36
Ночи в Таганроге	37
Средь мартовских чудес	38
Утро	39
Сторонка	40
В ночном	41
У моря	42
«И это вовсе не абсурд...»	43
«Осенних дней колокола...»	44
В больничном дворе	45

А был ли праздник жизни?	46
«Звёзды...»	47
Пятое время года	48
Букет	49
«Сумерки спят у порога...»	50
«Смешай в бокалах боль и смех...»	51
«Всё в миг один вошло...»	52
На даче	53
Снег	54
Осенняя звонница	55
«Край ограды...»	56
Таганрог летний	57
«Мне б на эту жизнь обидеться...»	58
Детство	59
«Вольна ли я...»	60

Волокитина Татьяна Лукинична
ХОД ЧАСОВ НЕБЕСНЫХ

Сборник стихотворений
Приложение к журналу «ДОН_новый»

В авторской редакции
Верстка и оформление *Д.Зяблицкой*
Директор издательства *А. Береговой*
Издательство Литературного фонда России
«Донской писатель»
344002, Ростов-на-Дону,
ул. Серафимовича 89/94
т.ф. 8(863) 292-78-03; 8-918-599-67-51;
9-918-854-80-59
e-mail: donpisatel@yandex.ru

Подписано в печать 30.09.2016 г.
Формат 60x84 1/32 Объем 3,5 у.п.л. 64 стр.
Обложка картон глянцевый. Тираж 200 экз.
Гарнитура Times New Roman

Издательство «Донской писатель» предлагает заказчикам низкобюджетные приложения к журналу «ДОН_новый», несущие в себе все нормативы полноценной книги.